

СТРЕМЛЕНИЕ

АЛЕКСАНДР ЭНГЕЛЬГАРДТ

12+

Александр Энгельгардт

Стремление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67825925

SelfPub; 2022

Аннотация

Психологический триллер о будущем, в котором актуальные философские вопросы и проблемы человечества достигают своего апогея. В центре сюжета сын астронавта и его тернистый путь к звёздам.

Содержание

Материнская Любовь	5
В Поисках Одиночества	17
Последний Шанс	27

Александр Энгельгардт

Стремление

Во Тьме

Внутри себя я слышал треск, похожий на сломанное радио. Со мной происходило что-то пугающе странное. Мне словно выкололи глаза и бросили болтаться в невесомости. Я чувствовал, что зажат и в то же время абсолютно свободен.

Вдруг треск прекратился, и наступила полная тишина. Я попытался нащупать хоть что-нибудь, но не мог этого сделать и не понимал почему. С каждой секундой моё терпение вскипало от злости, а нервозность сводила с ума.

Сознанием я метался из крайности в крайность, надеясь найти конец своим страданиям. Время ощущалось совсем не как раньше. Мне было не страшно, я утратил инстинктивную природу и стал замечать, как движутся мои мысли. Будто звёзды, летящие в ночном небе. Воображение перестало показывать картинки, передо мной была лишь тьма, в которой, кажется, не было ничего, кроме меня. Но даже я не знал, кто я такой. Вдали показался яркий луч, озаривший мой путь. В тот же миг я узрел всё.

Материнская Любовь

Мои ноги болтались над школьным полом, в котором я видел своё искажённое отражение. Из кабинета напротив доносились то приглушённые, то слегка громкие возгласы моей мамы. Сердечко в груди стучалось, но я не боялся расправы, которая следовала за мной по пятам.

– Алекс, бросай! – прокричал мальчишка с бейсбольного поля.

Я стоял с цветочным горшком в руках и не знал, что мне делать. Ещё один парень рядом со мной улыбался и держал меня за плечо. Сцена была ужасающе медлительной, но я всё-таки высунул руки в окно и отпустил.

Горшок рухнул и разбился на куски. Бедное растение. Нутро сразу же заворошилось где-то внизу живота. Я услышал стук каблуков, за которым последовал пронзительный звонок.

Мама вышла из кабинета. Её каблуки стучали не так грозно, как у моей учительницы по физике, но этого было достаточно, чтобы не задавать глупых вопросов по дороге домой. Я молча последовал за ней.

Солнце грело, но не согревало. Ветер завивал оранжевый листопад. Мы вместе хлопнули дверью машины и заскрипели кожаной обивкой. Джип принадлежал папе, но маме нравилось его водить.

– Что с тобой происходит? – спросила она, не ожидая, что я отвечу.

Она взглянула на меня через зеркало. Я трогал обивку и поглядывал на дорогу, стараясь не выдавать своих чувств. Пожалуй, это был единственный раз за день, когда она посмотрела на меня после встречи с директором.

– Ты сегодня утром почти ничего не съел. Одним сэндвичем сыт не будешь, – сказала она. – Завтрак самый важный приём пищи, родной.

Моя мама всю жизнь сидела на разных диетах и причитала об этом всем, кому могла. Я не был исключением, хотя по большей части помалкивал.

С того визита в школу она предположила, что со мной что-то не так.

– Помнишь нашу знакомую тётю Мейси? – вновь заговорила она.

Я ничего не ответил.

– Её сын постарше тебя, – перед следующим предложением, она заведомо выдержала паузу. – Его с семи лет наблюдал психолог. Бедный мальчик.

Таблетками от депрессии сыт не будешь, подумал я.

– Он долго не мог приспособиться, да и учёба также давалась трудно, как и тебе, а теперь он наверстал пропущенный год и много читает.

Мама условно диагностировала мне дислексию, а я в привычной манере ничего не ответил.

Наутро осеннее солнце умывало всех своей ослепительной красотой. За окном творилось что-то волшебное. Я проснулся без труда и сразу же пошёл чистить зубы. До обеда меня не покидало ощущение, что я не спал вовсе, а просто путешествовал во времени и пространстве. Каждый из таких дней, которые пытаются с первых минут сказать тебе что-то важное, держит тебя в неведении, чтобы ты познал истину в нежный момент.

Я держал сэндвич над тарелкой, когда мама подошла ко мне. Она глядела на меня любвеобильными глазами. Мне не верилось, но так оно и было.

– Сегодня ты в школу не пойдёшь, – её голос был ровным и уверенным.

Какое же счастье услышать эти слова от родной матери. Даже пресловутое «два последних урока отменены» от нашего учителя не были такими сладкими.

– Мы с тобой прокатимся по городу.

Это пахло чем-то недобрым, но мне было всё равно, если не придётся идти в школу.

Через несколько полупустых улочек, мы очутились около уютного дома. Я никогда не был в этом квартале, поэтому мне было не по себе. Смешанные чувства не успокоила даже мама, погладившая меня по плечу. Не успели мы ступить на порог, как тёмная узорчатая дверь открылась. Следом вышла женщина и улыбнулась нам. Я не знал, смотрела она на меня или на маму, но мне тоже захотелось улыбнуться. Чем-то её

вид располагал, пока я не понял, кем она была.

– Садись, Алекс, не бойся, – обратилась женщина, когда мы вошли в скромный кабинет, оставив маму в коридоре наедине с журналами.

Я уселся в бежевое креслице напротив тётки доктора, имя которой забылось уже через минуту после знакомства.

– Тебе комфортно? – спросила она.

Мои руки легли на подлокотники, вызвав в памяти сцену из фильма, название которого я тоже к тому моменту забыл. Моё воображение выражало беспокойную картину поимки главного героя прислужницей злодея. Руки вот-вот будут скованы железными кандалами, и свершится пытка, цель которой выяснить секрет великой силы.

Но тётка доктор смотрела на меня таким милым и располагающим взглядом, так что я ответил безукоризненно:

– Да.

– Ты можешь поделиться со мной своими мыслями, если хочешь, – её голос, мягкий и ровный, вводил меня в состояние транса.

Выдержав паузу, но не отрывая взгляда от меня, изучавшего комнату и украдкой поглядывающего на неё, женщина продолжила.

– Случалось ли недавно что-то, что тебя сильно волновало? В школе или дома.

– Мама сказала, что я неправильно себя веду, – высказал я с запинкой.

– Она правда так говорила?

Тётя доктор видела меня насквозь.

– Нет, но я это чувствую, – мои руки мигом поднялись и опустились, подчёркивая очевидность сказанного.

– А почему ты так думаешь?

– Говорю же, я чувствую. Она смотрит на меня... Ну она поглядывала на меня так, после того визита... к директору.

– Продолжай.

– Я знаю, что веду себя не так, как хотят другие, – эти слова звучали чётко, но от чего-то мне стало грустно.

– А твой папа?

Она точно знала обо мне больше, чем следовало. Видимо мама проболталась. Я тут же ощутил тяжесть обиды. Мне хотелось разозлиться на неё, хотя в то же время приходило понимание, что это всё придумано на пустом месте. Будто передняя и более чувственная часть тебя, как беспризорная собака, мечется от одного проходимца, то есть мысли, к другому в надежде выпросить порцию мимолётного удовлетворения. А позади, на фоне всего этого что-то немислимое определяет самое верное, твоё настоящее желание.

И мне понравилось, что я отбросил обиду на маму. Очистив мысли, я сосредоточился на папе, как вдруг стало так неудобно, даже противно. Однако не было в мире знакомого места, куда бы мне хотелось отправиться, чтобы исправить свою неуверенность. Поэтому я решил сказать тёте доктору всё, как есть.

– Папа всегда работает, он постоянно в разъездах, – начал я и постоянно опускал голову к пальцам, пожимавшим колени. – Я понимаю, что у него серьёзная работа.

– Он астронавт, да?

– Да. Я даже видел его в новостях по телевизору. Знаете, это странно, но я сначала рад, увидев его, а потом становится...

– Грустно? – подхватила она.

– Нет, – брезгливо ответил я. – Мне говорили, что завидовать плохо, мне кажется я завидую ему. Но может это и не совсем то, что я чувствую.

– Завидовать это нормально. Всё, что ты чувствуешь, нормально. Не бойся своих мыслей, Алекс. Они – начало твоих поступков. Если ты будешь заставлять себя думать не так, как тебе хочется, то подобных мыслей станет ещё больше.

– Понимаю, – мне казалось, что я ответил совсем как взрослый, пускай и не до конца осознавал, что она имеет в виду.

– Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь чувствовал что-то приятное при виде папы?

В моей голове заворочился червячок, который принялся искать то, что она просила, но как назло, я снова всё забыл.

– Не помню. Может... нет, это не с папой произошло.

– А с кем же? И что именно? Можешь об этом рассказать?

– Да, это тоже было осенью год или два года назад, – задрал голову в потолок, я начал вспоминать.

Одноэтажные белые домики были выставлены рядами с удивительной идентичностью. Это сбивало меня с толку всякий раз, когда я возвращался с прогулки, убегая вперёд мамы. И по какой-то причине мой выбор всегда падал на соседний дом, в котором жила девочка с огненными волосами.

– Привет, Алекс! – она всегда радостно встречала меня на своём пороге, пока мама не успевала меня остановить.

Ей, к слову, не очень-то и нравилось ходить по гостям. Даже я замечал, как наигранно звучали её слова, о том, что она рада всех видеть и как бы здорово было прийти к нам на ужин. Она никогда не приглашала наших знакомых прямым текстом, просто говорила, как бы это было хорошо, всем лучше узнать друг друга. И лишь папа брал на себя эту ответственность, не задумываясь оказать всем радушный приём.

– Ты что, снова перепутал дом, да? – девочка держалась за белую дверь и качалась из стороны в сторону, играя на моём смущении.

Она также всякий раз выскакивала раньше, чем я притронусь к ручке, и приятно удивляла меня. Мне даже казалось, что она следит за мной, но потом я понял, что мы оба друг другу нравились. Надо признать, не у каждого астронавта были дети и даже жена или муж, поэтому наше знакомство было для меня спасением.

– Я...

Тень появилась за спиной как раз в тот момент, когда я хотел сказать кое-что. Наши мамы принялись обменивать-

ся улыбками и любезностями. После этой неловкой сцены, они разошлись, и я тоже стал пятиться назад, наблюдая, как дверь медленно закрывается, а девочка уходит в темноту комнаты.

– А ты не хочешь... – затрепетал я и понял, что это сработало: она вновь выглянула, одарив меня улыбкой. – Покачаемся на качелях сегодня?

Ветерок задувал мне под футболку и щекотал кожу. Тело покрывалось мурашками от прохлады и от того, что я ловил её взгляд на себе. Мы качались вразнобой.

– Джулия, у тебя не бывает такого ощущения, будто время движется то медленнее, то быстрее?

На середине предложения я осознал, что задал самый неуместный вопрос. Хотя меня это действительно интересовало. Мама же и вовсе не обратила на него внимания. Но Джулия, она могла меня понять

– Нет, но было бы здорово, если бы ты мог управлять временем. Алекс – мальчик, который остановил время.

Она рассмеялась и убрала локоны со лба. Я смотрел на неё, не отрываясь, а потом я заговорил о своём отце, в ответ она расплакалась. Соскочив на землю я чуть было не подвернул ногу, но мне было плевать, моё внимание сосредоточилось на ней.

– Да всё нормально, Алекс, – она дотронулась до меня, а я как дурак замер и даже ничего не сказал, чтобы как-то поддержать её. – Я всегда плачу.

Она подняла голову, откинув волосы в разные стороны, и под её глазами я заметил блёстки, которыми она покрывала веки. Они растеклись по щекам.

– Ты вся блестяшь, – наконец произнёс я.

– Ах, да, я специально накружилась, думала, вдруг ты придёшь.

Это сразило меня наповал, поэтому я решил сменить тему.

– Почему ты заплакала?

– Это всё папина миссия. Он чуть не разбился этим летом. Мне было так грустно, когда он попал в больницу. Но к счастью всё обошлось, он даже ничего не сломал. А я вот вчера ушиблась, – она показала мне еле заметную ссадину на руке, – пошла посмотреть вечером звёзды и так закрутилась, потеряла равновесие и упала на корни дурацкого дерева.

Она поглядела на меня и решила сказать что-то другое.

– Ну ладно, не такое оно и дурацкое, просто мне было очень больно. И я снова расплакалась.

Мы оба улыбнулись, и мне захотелось её обнять, но что-то внутри не давало этого сделать. Я робел.

– Говорю же, я плакса.

Казалось, что я услышал голос её матери заранее, чтобы не упустить момент и сказать ей: «Никакая ты не плакса, Джулия. Ты красивая и ты мне...»

– Джулия! – прозвучал заветный голос.

Мама звала её к ужину и любезно пригласила меня при-

соединиться, но я понимал, что этому не суждено сбыться. К тому же, моя мать знала, как появиться в самый неподходящий момент. Даже мои мысли были прерваны. Накрывала тоска, на пару с которой я оставался под пасмурным небом. Подул ветерок, и тело моё покрылось мурашками.

– Алекс, – обратилась доктор, – ты продолжаешь вспоминать этот эпизод, но не хочешь наладить с ней связь. Я понимаю, – она сняла очки и протёрла глаза, – тебе кажется логичным считать себя недостойным её, я помню твои слова. Но ты даже не знаешь, где она живёт и что с ней происходит. За семь лет терапии мы многого с тобой достигли. Ты многого достиг, и твоя мать гордится, каким сыном ты вырос.

Она подогнула ногу под себя и положила очки на столик. Теперь всё выглядело так, будто она была пациентом, который пришёл на сеанс, а мне оставалось лишь задавать вопросы.

– Вы знаете, что у моего отца новый полёт?

Мой вопрос слегка дезориентировал её, и она снова надела очки.

– Да, я видела новость. И что ты об этом думаешь?

– У них большие планы на Луну, – усмехнулся я. – Думаю, мы и правда достигли многого. Вы содрали с моей матери кругленькую сумму, а я понял, что все эти старания бессмысленны.

Я встал с тёмного кожаного кресла и направился к выходу, намереваясь больше никогда не возвращаться в этот ка-

бинет.

– Алекс, – воскликнула доктор, – Ты знаешь, что это не так, твоё нежелание мириться с тем, что у тебя есть, в противопоставлении с тем, что ты желаешь, вызывает эту неприязнь к окружающим и самому себе. Ты способен это изменить.

Она встала и растерянно приближалась ко мне, боясь того, что я оставлю за дверью всякие надежды на перемены к лучшему.

– Способен изменить? Я говорил вам, говорил отцу и говорил матери, всем, кто хоть как-то был мне близок, об этой гиблой аванюре с космическими миссиями, – мой голос раздражался. – Все вокруг живут, будто бы не замечая, насколько плохо здесь внизу, но почему-то все взгляды прикованы к ним, бесславному героям, которые просто исполняют свои роли для тех, кто пожирает плоды здесь и делает лишь свою жизнь лучше. Так что, я способен изменить это? Способен ли, по вашему мнению, спасти очередную рыжеволосую девочку от участи остаться без отца? Или помочь мужчине, который умирает с голоду? Потому что он больше не нужен этой системе, ведь у неё есть куча роботов и внимание массы, которое приковано к звёздам.

Дверь кабинета открылась, и я посмотрел на доктора в последний раз.

– Стремление приведёт лишь к страданию, а я и так устал от этого.

Раздался хлопок. Я шёл по улице под пасмурным небом. Там вдалеке что-то виднелось. Мои руки влезли в карманы куртки. Ноги несли меня вниз по улице, круто уходящей в центр города. Раскаты грома настигли меня, и я понял, что вот-вот начнётся гроза.

В Поисках Одиночества

Когда ты молод, карта мира стремится в неизвестность, с каждым годом доказывая твою беспомощность перед тем, что ты желаешь. С возрастом космос обрастает тьмой, не имеющей ни конца, ни края. И целостность, ради которой и происходит движение, теряет свой первоначальный вид.

Мои уши остывали от бури гитарного рока. Я вышел из душного помещения в прохладный и сырой переулочек. Закурив маленькую сигару, я услышал шаги моего друга.

– Ты же у меня на прошлой неделе курил портативку, – выкрикнул он.

Мой слух ещё восстанавливался, а внимание было рассеянным от таблетки, которую дал мне Энтони.

– Ты в порядке? – спросил он, положив руку на плечо.

– Знаешь же, что нет, Ти.

Он достал портативный фильтр из своей мешковатой куртки, которая хоть и была чёрной, но блестела лучше, чем днём. Синяя капсула с веществом была в его правой руке, он засунул её в фильтр, и зарядил себе в лёгкие порцию кое-чего бодрящего. Хватало всего одной затяжки, чтобы упасть на тротуар и расплыться от удовлетворения, чувствуя, как дым расходится не только по лёгким, но и по всему телу, по венам и даже из пор уже выделялся не пот, а дым, который наполнял тебя на все сто процентов.

– Эта дрянь убьёт тебя, – сказал он, указав на мою сигару, и расхохотался.

Его ноги слегка подкосились, поэтому я взял его под руку, и мы побрели дальше, по пути разглядывая неоновые вывески ночного города.

Мы денно и ночью пропадали то там, то тут, не особо заботясь о том, в каком состоянии находили себя утром. Однако новый день одарил нас трезвостью рассудка, чему мы были мягко говоря не рады. Нас ждала учёба, но до начала занятий оставалось ещё два часа.

– Я тут кое-что вычитал, – начал Тони, отряхивая рукава от капелек воды. – Есть пара частных компаний, которые набирают людей для прохождения службы в лунной колонии.

– Это же каторжная работа, Ти, – возразил я.

– Откуда ты знаешь?

– Очень похоже.

Мы приближались к центральному парку, с каждой минутой на улице появлялось всё больше людей. Город снова оживал, и мне это не нравилось. В ночи все события становились тайным причастием. Тьма напоминала мне одеяло, которым ночь укутывала тебя от глаз общества. В старых фильмах мертвецы восставали из своих могил с лунным светом, но в реальности они превращались в настоящих зомби ровно в семь часов до полудня.

– Ещё это очень похоже на ту прошлогоднюю авантюру, – сказал я.

– Япония просто меня не приняла.

– Эти гады даже не заплатили тебе.

– Вообще-то я сдрейфил. Когда мы разгружали суда и выходили в море, это было завораживающе. Но потом... – мы сбавили шаг и почти остановились. – В общем я слинял оттуда и всё.

– Ты не говорил мне об этом.

– Я много о чём не говорил.

На душе стало одиноко, и оставшийся путь до парка я смотрел на него с подозрением. Тони старался выглядеть загадочным и умным. Быть может, он таким и был, но этого, увы, я не заметил.

Мне предстояло встретиться с отцом, он должен был приехать как раз к ужину. Чувство отстранённости, которое возникло между мной и Тони, подтолкнуло меня на мысль, что хотя бы на короткое время я смогу найти для себя место в кругу семьи. Надежда на это приободрила меня.

В парке прямо перед площадью скапливалась толпа. На глаза попадались молодые люди, которые весело проводили время. Одна девушка танцевала, по её движениям я понял, что она пьяна. Ти повернулся ко мне с коварной улыбкой, и я смекнул, что он хочет влиться в этот ни к чему не принуждающий протест.

По мере приближения я видел людей с плакатами. В основном все они отражали лишь желание быть в центре внимания. Девушка также обрела больше привлекательных

форм. Возможно, я всё-таки был ещё не до конца трезв, но мне захотелось подойти к ней. К сожалению, пикет прервала патрульная машина. И все снова превратились в угрюмых противников.

Четверо в униформе подошли с мегафоном к толпе. Заняв позицию перед протестующими, они проговорили стандартные фразы, которые были разработаны как раз для таких случаев. Все выполняли свои роли: одни приходили в людное место и показывали своим видом лицо народа, а другие инспектировали их, чтобы никто не пострадал. После чего обе стороны расходились по делам. За всю свою молодость я не видел жёсткого противостояния, в обществе гулял дух протеста, но сегодня мы жили также, как и вчера, неделю и месяц до этого. И дело было не в нас или во власти, простые люди выражали то, что было дозволено, а воспитывались так, как позволяли главы социума. Со временем власть имущие начали соблюдать баланс, создавая иллюзию правомерности. Всегда есть и будет сила воздействующая и противодействующая – такова природа вещей. И никакого секрета, правда я тогда об этом ещё не знал.

Мы продолжали медленно вживаться в роли толпы, даже не боясь затеять с кем-нибудь драку. Мимо меня прошёл парень и слегка задел за плечо. Тони не оставил это без внимания.

– У тебя какие-то проблемы? – крикнул он ему вслед, а тот даже не дрогнул. – Чёрт знает что, а не люди, никакого

уважения.

– Они припёрлись протестовать на площадь в семь утра. Думаешь им есть дело до каких-то оборванцев вроде нас?

– Ну знаешь, говори за себя, – этой манерности у него было не отнять, я даже стал подозревать, что он пародирует какого-то героя из фильма.

Мы вечно смотрели всякое старьё из прошлого века, поэтому я мог догадаться. И пока мой мозг был занят этой шарадой, а толпа продолжала наслаждаться минутой славы, над нами завис дрон. Он жужжал как здоровенная пчела. Задрав голову, я заметил примотанный изолентой пакет. Ти пританцовывал под здешнюю музыку, а я стоял с открытым ртом и не торопился с криками разгонять людей.

Железяка сорвалась с места и полетела вниз. Один из патрульных не растерялся и начал стрелять. Многие пригнулись, затаив дыхание, дрон же потерял одну из лопастей и упал прямо на головы протестующих.

Мои уши заложило похлеще, чем после концерта. Я упал на колени и закрыл голову, ботинки Тони тёрлись об мои руки. Он поднял меня.

– Ты цел? – спросил он, держа за плечи.

Я кивнул в ответ и повернул голову к тому месту, где только что танцевала красивая девушка. Большинство тел упало замертво. Их плоть валялась у наших ног. И тогда меня бросило в жуткую дрожь.

Слух возвращался, и крики раненых начали рвать меня

изнутри.

– Нужно сваливать, – высказал я другу.

Он сдвинул брови и потянул меня за рукав, но тут я схватился за него и потряхнул несколько раз. В следующий миг мы бежали по сырому тротуару, сердца грохотали и кровь била мне в голову. Я никогда не чувствовал себя таким живым и таким подавленным одновременно.

Ти мало говорил со мной после этого. Тем же вечером я пришёл на ужин к родителям, до сих пор не осознавая ужас, который со мной произошёл.

Внимание вернулось ко мне за столом. Мы жевали овощи со свининой, но еда меня не радовала. Не радовал и приезд отца, наш разговор. Меня не покидало ощущение, что я должен был прийти на эту семейную встречу с чем-то особенным, а внутри был лишь недостаток. Я безынтересноковырялся в тарелке, пока моя мать рассуждала на тему толерантности.

– Представляешь, она мне сказала, что её дочь однозначно туда поступит. Девочке не место среди этих религиозных фанатиков. Я видела, как она хочет вырваться из дома, – она осушила бокал с вином, бросив взгляд мне в тарелку, и вновь обратилась к отцу. – Не воспитание, а садизм какой-то. С другой стороны, я бы, например, не сделала операцию, ну по смене пола. Но просто мне это совершенно ни к чему, а их проблема в том, что они не понимают желание другого человека, несмотря на то, что таким человеком является их дочь.

– Скоро мы переключимся на бесполые аппараты, которые будут сношать друг другу мозги, – сказал я и проглотил тушёную брокколи.

– Господи, Алекс! – вскрикнула моя мать. – Мы же за столом.

Отец взглянул на меня с прищуром и еле заметно покрутил головой, но ничего не сказал. Мне кажется, он был согласен с моими словами, просто не хотел конфликтовать с матерью. В тот момент я счёл его мудрецом и подлецом.

– Я не могу больше есть, – был мой ответ.

Мать тут же наклонилась в мою сторону, чтобы возразить.

– Ты же почти ничего не съел, отказался от мяса...

Мои нервы не выдержали. Я встал из-за стола, чуть его не перевернув. Внутри всё пылало.

– Вы даже не знаете, что произошло сегодня, – после моих слов оба родителя замерли в ожидании объяснений. – Эти люди, эти тела. Мы были в парке и просто... Просто...

Я рассказал им всё в деталях, так как хотел, чтобы они представили полноту утренней картины. Моя мать вытерла салфеткой рот и проглотила ком, который образовался у неё в горле.

В своей комнате я нашёл уединённый уголок. Лёжа в тишине на кровати, моё тело сливалось с общим ритмом неповиновения, который царил вокруг. Компьютер изливался уведомлениями с моей почты. Дела валились, я продолжал лежать и медленно погружался в сон, как вдруг мою

идиллию прервал родительский стук в дверь.

Отец включил свет, резанувший мне по глазам. В моей обители он показался мне несчастным, осмотрев, как я живу. Небольшой беспорядок его наверняка не удивил. Но мы оба чувствовали, что с нами творится что-то неправильное. Мне стало так жалко и совестно за свою бестактность. Эти чувства уже тогда начали жечь меня изнутри.

– Я понимаю, – сказал отец, расхаживая по комнате. – Через пару лет ты отучишься и будешь заботиться о себе сам. Заработаешь, сколько сможешь и будешь жить, так как хочется. Наверное, мне тоже стоило стать программистом, – он встал передо мной и убрал руки за спину. – Виделись бы почаще.

Папа сожалел о своём выборе. Не знаю, осознавал ли он, что побудило его стать самим собой. Ведь мне он казался неоднозначным. Я верил в его внутреннюю силу, которая должна была перейти мне. Но я всё ещё чувствовал себя потерянным.

В памяти хранилось очень яркое и простое воспоминание, связанное с ним. Как-то раз мы возвращались от дедушки, отца моего отца. Напал снег, мой нос покалывал прохладный ветерок. Папа преодолевал длинными ногами большое расстояние, а я плёлся позади. И вот когда он сбавил шаг, я слепил свежий снежок и бросил ему в спину. Он обернулся и принял мой вызов. Мы кидались друг в друга снегом, и я смеялся, не думая ни о чём.

Через пару месяцев мы с Тони встретились. Что-то мешало нам поговорить лично. Хотя в итоге мы обсуждали совсем не теракт, который нас поразил.

– Думаешь, у него рак или что-то вроде того? – спросил он.

– Говорят, опухоль. Возможно, из-за нагрузок или стресса, – мне нетрудно давались ответы в период отцовской болезни.

В какой-то момент эмоции просто исчезли, и только музыка едва была в силах откликнуться в душе.

– Как у тебя дела? – спросил я. – Всё ещё собираешься слинять на другую планету?

– Спишу твою дерзость на депрессию, потому что мне не нравится, как ты обо мне говоришь.

– Какую ещё к черту депрессию? У меня-то?

– Да, чтоб тебя. Ты вечно где-то витаешь в своих мыслях, ничем со мной не делишься.

– Мы с тобой не пара голубков каких-нибудь, – возразил я.

– Знаешь что, без обид конечно, но я уже устал от твоей грёбаной рефлексии. Ты думаешь, что в твоей жизни что-то меняется, а по-настоящему ни хрена не делаешь.

– Да что ты говоришь? Тебе только и хочется свалить куда подальше от проблем, от себя, от всего! Мы с тобой не друзья, а просто собутыльники.

– Ну что ж, я понял тебя, Алекс.

Вернувшись домой, я застал отца. Он лежал и тяжело ды-

шал. Шевелились лишь его глаза, он посмотрел на меня и, кажется, заметил то отвращение, с которым я жил последнее время. Мне была противна всякая мысль о нём, о себе, о своей жизни. Я желал только смерти, ибо не представлял иного конца всем этим страданиям. Порой своих желаний и правда следует бояться, как огня.

Последний Шанс

Зелёные платы двигались по конвейеру, аппараты крутились и паяли детали. Команда машин выполняла работу безукоризненно. И даже уборка оставалась за ними. Параллельно дорожке, на которой происходила сборка, по рельсам двигался квадратный пылесос с толстой гофрированной трубой. Красные датчики мигали по всему цеху. Этот маленький уголок технологического прогресса походил на аттракцион.

Рядом со мной стояла приборная панель. Я тестировал автоматизированную систему, которая правила бал роботов. Проверка выявила мелкие ошибки, но результаты удовлетворили совет директоров, который наблюдал мою работу в трансляции. В мои дальнейшие планы входило объединить предприятия в огромную сеть и исключить человеческий фактор из уравнения навсегда. Но на сегодняшний день работа была выполнена безупречно.

На территории стоял лишь мой автомобиль. Мне оставалось сделать пару нажатий на наручных часах, и ждать пока чудо техники доведёт меня домой. Можно было даже лечь и вздремнуть, перекусить или прочесть статейку другую. Однако за городом я предпочитал брать управление в своих руки.

В округе не было ни души, меня сопровождало только электронное жужжание двигателя. Я наслаждался дорогой и

думал, какое блюдо заказать на вечер, как вдруг заметил уведомление на медиа-экране.

– Прочешь сообщение, – указал я компьютеру.

– С радостью сообщаем, – начал вещать женский голос, – что ваша кандидатура была одобрена для вступления в Комитет по развитию и автоматизации системы обслуживания лунной колонии Омега. Подробные инструкции следует изучить в течение двадцати четырёх часов с момента получения данного сообщения. С наилучшими пожеланиями представители Департамента Координации Внеземных Исследований.

Мои пальцы сжимали руль, в моей голове стали всплывать воспоминания об отце и детстве. Я отдал команду везти меня домой, программа на часах зарегистрировала мой пульс, и сама порекомендовала прекратить управление.

До четырёх часов утра я не мог сомкнуть век, всё размышляя о том, как сложилась моя судьба. События выстраивались в закономерный путь и вот он итог. За окном на горизонте бушевала гроза. Я пытался напиться, но чувствовал, что мне всё ещё было мало. Рука со стаканом дрогнула, плечо пронзила острая боль. Я схватился свободной рукой и сжался, но покалывание прошло также быстро, как и появилось. Эта хандра беспокоила меня уже не один год, лекарство не особенно помогало, и я просто смирился.

Разряды молний освещали город, будто стоял ясный день. С каждой вспышкой я ожидал увидеть чудище, огромного

монстра с кучей щупалец, который вот-вот нападёт на город и начнёт крушить небоскрёбы, давить машины словно игрушки и бросать маленьких горожан в свою зловонную пасть. Но я продолжал напиваться и понимал, что уже согласился на предложение.

Меньше чем через двое суток мой рейс на Луну вырвался с орбиты Земли. Инструктаж перед взлётом занял всего около двадцати пяти минут, и мне казалось, в скором времени они сделают его ещё короче. Когда люди начнут летать на родной спутник ради экзотики и на деловые встречи, то никто не захочет ждать четверть часа перед тем, как увидеть космос и пообедать в ресторане с видом на звёзды.

После мягкой посадки всех пассажиров развели в специальные зоны ожидания. Полёты на Луну были всё ещё дорогостоящим удовольствием, поэтому немногие могли это позволить, хотя в зоне туристов, посетители заполнили почти все тридцать мест.

Каждый из пассажиров имел цветную нашивку на правой руке скафандра. Зелёные обозначали как раз тех, кто платил деньги из собственного кармана за полёт и экскурсию по колонии. Далее шли жёлтые – в основном это были либо журналисты, либо студенты, у которых, впрочем, был тот же доступ, что и у зелёных. На моём плече находилась синяя метка. И в своей зоне я был один.

Людей вроде меня отправляли сюда редко. И тот комитет, в который меня направили, в общем-то теперь составля-

ли в общей сложности пять человек, и четверо из них уже несколько лет жили на спутнике.

Пока меня заселяли в этот космический отель, я глазел по сторонам. Все люди ходили в однообразной одежде, тусклые цвета, тусклые лица, среди которых словно огонь в ночи появилась женская фигура с рыжими волосами. Я тут же встал и хотел было сделать шаг, но засомневался. Может это и не она вовсе? – подумал я.

Силуэт быстро скрылся за углом, выйдя из комнаты. Ко мне подошёл человек, потом сопровождал робот – все рассказывали о здешних правилах и что грозит за их нарушение, а я же держал в голове единственный образ, который чуть не заставил меня пустить слезу.

Я бродил по коридорам в поисках нужной двери, в мыслях надеясь в одной из кают обнаружить её. Мне выдали браслет с синей меткой, как на скафандре, для свободного перемещения по объектам и небольшой планшет для работы, он фиксировал моё местоположение и постоянно давал подсказки. Я слушал его через раз и старался делать вид для прохожих, будто занят чем-то важным. Виртуальная карта завела меня за угол.

– Джулия! – крикнул я, едва не врезавшись в неё.

Она обернулась: предо мной стояла прекрасная женщина, её милое лицо с возрастом стало более утончённым. Внутри я прыгал от радости, но она только немного и удивилась.

– Алекс, это ты? – мы подошли друг к другу. – Ты здоро-

во изменился. Боже мой, – она рассмеялась, и в тот момент меня посетило дежавю. – Что ты здесь делаешь?

– Работа, – был ответ. – Мне нужно исправить кое-что в роботах.

– Ты разрабатываешь их? – её лицо резко переменилось, она спросила со странным подозрением.

– Нет, просто пытаюсь усовершенствовать. А ты как здесь оказалась?

Похоже вопрос требовал от неё сделать усилие над собой, чтобы ответить старому другу.

– Пойдём на мостик, – предложила она.

Мы вышли под небольшой купол, через который было видно и Землю, и кипящее Солнце. Я облокотился на ограждение и повернулся к Джулии.

– Скоро здесь будет целый город, – сказала она. – Я консультирую молодых специалистов.

– Мне кажется, ты не очень рада меня видеть, – подметил я.

– Твой отец наверняка рассказывал о том, как погиб мой. Я просматривала отчёт того полёта, он был не готов. Столько стараний, годы подготовки, а в итоге ты оказываешься неподготовленным к нагрузкам. Ты бы поверил в это?

– Мой отец мёртв, Джулия, – произнёс я, надеясь умерить её пыл.

– Тогда ты должен понимать меня. И ты можешь помочь.

– О чём ты говоришь?

Она прильнула ко мне и стала говорить тише.

– Мы можем заставить их ответить за все ошибки, за наших отцов и людей, которые каждый день пытаются выжить на Земле.

Я поддавался её яростному рассказу, ведь когда-то мои мысли были такими же.

– Постой, Джулия. Я прекрасно тебя понимаю, но не хочу причинять кому-то вред. Жизнь не идеальна, однако мы стараемся её улучшить.

– Слышал бы ты себя со стороны, – упрекнула она, скрепив руки на груди. – Теперь ты кормишься с их стола. Ты не видишь разницы, они купили тебя и твои таланты, – она попятилась назад. – Нет, тебе нельзя доверить такое дело.

– Что ты задумала? – тихо сказал я. – Джулия...

Она снова ускользала от меня, но я был растерян и не знал, что делать. По дороге в каюту мне представилась та картина мира, которую видела она. Что если она права? – подумал я. – Вряд ли она работала над этим делом одна, но этот фанатизм может привести к страшным последствиям. Этого нельзя допустить.

Помедлив у себя в апартаментах, я отправился на её поиски. Рабочий планшет уже разрывался уведомлениями от моих коллег, в последний раз я взглянул на карту и оставил устройство на стойке информации.

У неё может быть доступ почти к любому объекту, хотя и я был не промах. Через несколько минут мне удалось на-

ткнуться на вывеску мастерской, где проходил ремонт машин.

Я вошёл в кабинет и увидел, как парень собирает одного из роботов, которые снуют по всей колонии, выполняя роль obsługi. Джулия тоже была с ним. Он бросил инструменты и направился ко мне. Ему повезло повалить меня на пол, но я ударил его в живот несколько раз. Парень взвыл и упал на бок. Я перевернул его, влез прямо на грудь и прошёлся по его физиономии ещё пару раз, содрав кожу с костяшек.

– Что ты творишь? – закричала Джулия, но меня было не остановить.

Я схватил её за плечи и сжал. Она вырывалась, пытаясь мне что-то сказать.

– Ты ошибаешься, Джулия. Не делай этого!

– Нет, мы должны! – вопила она, стуча об меня кулаками.

Я обнял её, прижав так сильно, как мог. И вот она наконец стала расслабляться.

– Тебе больше не надо стремиться всё это преодолеть. Не плачь, ведь я рядом.

Слезы стекали мне на плечо, её руки теперь обнимали меня.

– Ты всё равно должен знать... Это не только моя идея, – говорила она, утирая щёки.

– Я знаю.

В какой-то момент парень пришёл в себя, его рот был заляпан кровью, она капала на пол, оставляя жуткий след. Он

толкнул нас обоих и бросился к роботу, которого собирал.

Мы устояли и наблюдали кровавый оскал на лице этого безумца. Он запустил машину и швырнул к моим ногам. Руки у меня не дрожали, поэтому я изо всех сил схватил Джулию и подтолкнул к выходу. Она по инерции побежала. К счастью, дверь открылась автоматически и последнее, что я видел, заплаканное лицо и огненные волосы. А потом темнота.

Внутри я слышал треск, похожий на сломанное радио. Время шло медленно, пока не исчезло вовсе. Вдруг треск прекратился, и наступила полная тишина. Все мои чувства и память растворялись во тьме. Сознанием я сделал последнее усилие, и единственное, что пришло ко мне, был вопрос: Кто я? Вдали показался яркий луч, озаривший мой путь. В тот же миг я узрел всё.